

ОБРАЗНОЕ СЛОВО В ПОЭЗИИ Ф.И.ТЮТЧЕВА

КАРЧА Валентина, др., конф.

Summary

F.I.Tiutchev is the genius literary artist, deep thinker, subtle psychologist. He is a poet of the love and tenderness, suffering and happiness. Tiutchev was abble to create the original system of the expressive means. This article is devoted to the research of the original epithets in the creation of Tiutchev

Тютчев был современником Пушкина. Заслуги Пушкина в русской литературе и русском литературном языке несоизмеримы с заслугами Тютчева, но лирик Пушкин и лирик Тютчев сопоставимы, равновелики своей своеобразностью. Если для Пушкина на первое место в поэзии выдвигается рациональное, что, конечно, не исключает глубины выражения душевных движений, то для Тютчева типичнее иррациональное: впечатления, движение эмоций у него доминирует над конкретностью, хотя и не исключает ее как средство выявления эмоционального [1, с. 4]. В. Брюсов пишет: «У своих русских предшественников Тютчев почти нигде не учился. В ранних его стихах есть влияние Жуковского, и, отчасти, Державина; позднее Тютчев кое-что воспринял у Пушкина. Но в целом его стих крайне самостоятелен, своеобразен. У Тютчева совершенно свои приёмы творчества и приёмы стиха, которые в его время, в начале XIX в., стояли вполне особняком» [3, с. 17].

Рассмотрим, на какие традиции опирался Тютчев, какие поэтические тенденции он воплотил.

В высказываниях о языке Тютчева – поэта отличают обычно следующие особенности его стиха: простота, отсутствие излишней украшенности, спаянность стиховой структуры с содержанием, точность поэтического слова, меткость его эпитетов.

Исследователи творчества Ф. И.Тютчева не раз отмечали обилие красок в его стихах. Называя Державина «отцом русского колористического стиля», они видели в поэзии Ф. И.Тютчева продолжение традиций старых колористов.

Тютчев не отказывается от достижений поэтики Ломоносова и Державина, от их лексики, художественных приемов и образов. Ю. Тынянов, хотя и относит поэта к архаистам, к верным и близким ученикам Державина, видит у него и некоторые элементы романтического стиля.

Действительно, усваивая излюбленные державинские эпитеты, Ф. И. Тютчев вкладывает в них новый смысл, свойственный сознанию романтика. Появляется это новое, часто сугубо «тютчевское», благодаря тому, что «предметное значение слова у него как бы растворяется в своих дополнительных значениях и оттенках» [5, с. 28]. Так получилось, например, со столь характерным для Державина эпитетом «золотой». Он часто встречается в поэзии Ф. И. Тютчева и в прямом, но, главным образом, в переносном смысле.

Прямое значение слова *золотой* даёт качественную характеристику предмета, указывает на действительно присущие ему свойства, то есть предмет сделанный из золота или позолоченный. Здесь даже не эпитет, а просто определение. *Золотой* же как выразительное метафорическое прилагательное (эпитет) даёт цветовую или световую характеристику предмету. Здесь уже есть определённые перенос значения.

Употребление этих эпитетов достаточно привычно. Но в поэзии Ф. И. Тютчева наиболее характерен эпитет *золотой*, не создающий зрительный образ, а способствующий выражению определённого образа, чувства. Причём предметный смысл почти теряется, перенос же усложняется.

*Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край,
День вечерел; мы были двое;
Внизу, в тени, шумел Дунай.*

Еще у Ломоносова встречается выражение *златой век*, которое варьируется как «*времена златые*», «*лета златые*» и восходит к рассказу Вергилия в «Георгиках» о золотом веке – эпохе всеобщего благоденствия.

В творчестве же Ф.И.Тютчева эмоционально-метафорические эпитеты определяют своеобразие его «поэтического почерка» [2, с. 51]. Они заключают в себе особый, собственно «тютчевский» смысл, необычайно богатый тончайшими оттенками значений. Вполне «по-тютчевски» звучит выражение «златой рассвет небесных чувств». Здесь эмоциональное определение вбирает значение блаженный, прекрасный. Эпитет *златой* у Ф. И. Тютчева – широкое и в то же время лаконичное определение чувства, содержащего самые тонкие оттенки переживания. Он служит выразительным средством, прежде всего для раскрытия темы любви как весны человеческой жизни со всем её очарованием.

Так, в стихотворении «Байрон» перед странствующим бардом «мелькает замок, и поднесь обвеян волшебной былью, мглисто-золотою!». Вид старинного замка вызывает образе далёкого, ставшего сказочным, прекрасного «золотого прошлого». В стихотворении, обращённом к Н. Ф. Щербине, поэт уподоблен эллинскому узнику, который

*Под скифской вьюгой снеговою,
Свободой бредил золотою
И небом Греции своей.*

Вполне «по-тютчевски» звучит выражение «златой рассвет небесных чувств». Здесь эмоциональное определение вбирает значения: *блаженный, радостный, сладостный, прекрасный*. Эпитет *златой* у Тютчева – широкое и в то же время лаконичное определение чувства, содержащего самые тонкие оттенки переживания. Он служит выразительным средством, прежде всего для раскрытия темы любви как весны человеческой жизни со всем её очарованием [4, с. 62].

«Золотыми красками отмечено и торжество красоты природы, прекрасной и в буйном расцвете сил весной и в период тихого увядания, умиротворения её осенью. Солнечные лучи насыщают собой всё окружающее: золотят нити дождя, брызги фонтана, плывущие по небу облака, морские волны» [17, с. 30].

Чрезвычайно характерен для Ф. И. Тютчева эпитет *светлый*. Если в стихах М. В. Ломоносова светлыми были только взор и голос, то у Тютчева светлые и край, и храм, и тень, любовь, весна и др. «Светлый» вбирает ряд значений, может заключать в себе диапазон всевозможных оттенков. Так, в следующих примерах объем определяемого понятия последовательно все расширяется, появляется новый добавочный смысл, подсвет.

«Светлая мечта» еще не воспринимается как индивидуальный новый образ в стихотворении «Нет моего к тебе пристрастья». Здесь интересно не само сочетание *светлая мечта*, а то, что на мечту можно набрести:

*И ненароком, на лету,
Набрести на свежий дух синели
Или на светлую мечту.*

«Светлый» означает прекрасный, чудесный, желанный. В совокупности этих значений вырисовывается образ чувства, настроения, определяется состояние души в данный момент.

В примере: «Нигде не встретив мирной, светлой кущи!» в понятие *светлой* включается еще и «*спокойной*», «*тихой*», «*благодатной*».

Интересен тютчевский образ *светлой* весны:

*Светла, блаженно-равнодушна
Как подобает божествам...*

Рядом со светлой весной является у Тютчева и светлая любовь – прекрасная, блаженная, радостная:

*Так мило-благодатна,
Воздушна и светла...*

«Светлым» называет поэт чешского патриота Гуса, сожженного на костре:

*И светел он, что собственною кровью,
Христову кровь он отстоял для них*

Здесь «светлый» означает «чистый, благородный, одухотворенный».

Оригинально, в сравнении с подлинники (где у В.Шекспира «a fine frenzy rooling») употребление эпитетов светлый как «вдохновленный, священный» в тютчевском вольном переводе:

*Поэта око, в светлом исступленьи,
Круговращаясь, блещет и скользит
На землю с неба...*

Эпитеты у Тютчева раскрывают всю остроту его стиха - эпитет у него **раздвоенный, разящий, движущийся**:

*Под дыханьем непогоды,
Вздувшись, потемнели воды
И подернулись свинцом —
И сквозь глянец их суровый
Вечер **пасмурно-багровый**
Светит радужным лучом,
Сылет искры золотые,
Сеет розы огневые,
И — уносит их поток...
Над волной **темно-лазурной**
Вечер пламенный и бурный
Обрывает свой венок...*

«Вечер пасмурно-багровый», «тёмно-лазурной» Что значит этот переход одного признака в другой, их расчленение и в то же время их слияние? Внутри двух рядом поставленных и слитых в одно целое слов – то движение мысли, которое составляет микроорганизм поэзии Тютчева [5, с. 17]. Стихотворение, обращенное к А. А. Фету, начато такими двумя строками:

*Иным достался от природы
Инстинкт пророчески-слепой...*

«Пророческий» – проникающий чрезвычайно глубоко. И вдруг, через дефис – «слепой»! Этим людям свойственно сильное, живое чувство природы, но... без проникновения в ее тайну. Фету, по мысли Тютчева, свойственно нечто большее. Так, сильное движение внутри эпитета полностью Содержит в себе идею этого стихотворения, раскрытую в дальнейшем. «С того блаженно-рокового дня» – в раздвоенном эпитете философия жизни, в которой радостное слито со скорбным, перемешаны свет и мрак. Постоянно в раздвоенном эпитете видимо нечто переходное, неустойчивое, зыбкое: «твой сон пророчески-неясный». И что-то недостигнутое, оборвавшееся в полете не одного воображения, но и мысли, ищущей и не находящей [5, с. 19].

*Вчера, в мечтах обвороженных,
С последним месяца лучом
На веждах, томно озаренных,
Ты поздним позабылась сном...
Утихло вокруг тебя молчанье,
И тень нахмурилась темней,
И груди ровное дыханье
Струилось в воздухе слышней...
Но сквозь воздушный завес окон
Недолго лился мрак ночной,
И твой, взвеваясь, сонный локон
Играл с незримою мечтой...
Вот тихоструйно, тиховейно,
Как ветерком занесено,
Дымно-легко, мглисто-лилейно
Вдруг что-то порхнуло в окно...*

В стихотворении «Вчера, в мечтах...» сон и пробуждение, скользящие переходы нежной, девственной души от одного состояния к другому даны в эпитетах: «на веждах томно-озаренных», «дымно-легко, мглисто-лилейно», «потемно брезжащим коврам». Итак, проследив употребление характерных для Ф. И. Тютчева эпитетов, мы получаем представление об особенностях его образной системы, и особенности эти свидетельствуют о близости поэта романтическому направлению.

Литература

1. Григорьева, А. Д., Слово в поэзии Тютчева, М., 1980.
2. Касаткина, В. Н., Поэтическое мировоззрение Ф. И. Тютчева, Саратов, 1960.
3. Кожин, В. В., Книга о русской лирической поэзии XIX века, М., 1978.

4. Кожин, В. В., Тютчев, М., 1988.
5. Лотман, Ю. М., Поэтический мир Тютчева, Таллинн, 1993.